

Олег Гдоп

Наследие руин

Окраина

Наследие руин

Олег Гдоп

Наследие руин. Часть 1: Окраина

«Автор»

2026

Гдоп О.

Наследие руин. Часть 1: Окраина / О. Гдоп — «Автор»,
2026 — (Наследие руин)

Великая война стёрла границы и города, оставив руины и обширные пустоши, загрязнённые радиоактивным пеплом. Сегодня человечество – это небольшие хорошо организованные коммуны в чистых от радиации зонах. Здесь нет королей и президентов, есть только дисциплина, точный расчёт и вечная борьба за ресурсы и знания. Добро пожаловать на Наследие руин, где право на жизнь нужно доказывать каждый день.

© Гдоп О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рынок	5
Пятиэтажка	10
Болота	12
Ворчун	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Наследие руин. Часть 1: Украина

Рынок

Скрип самодельной тележки разносится по мокрой пустынной улице, где разбитый асфальт давно скрылся под слоем раскисшего от влаги песка и осколков кирпича. Пасмурное осеннее утро под свинцовым небом. Мелкая досаждающая изморось то затихает, то принимается снова, делая безжизненные руины по обочинам ещё более мрачными. В сыром воздухе витает застарелый трупный запах сожжённого города, дыма и гнилой жижи, хлюпающей под ногами.

Андрей и его отец толкают груз к останкам бывшего торгового центра, где ежедневно собирается стихийный рынок. На тележке – плоды работы мастеров Пятиэтажки – их родной коммуны: десяток добротных ножей, вырезанных из старых рессор, и несколько затёртых деревянных ящиков с арбалетными болтами, укрытых от влаги промасленной мешковиной и старым брезентом.

На торговцах выдавшие виды обшарпанные куртки и штаны из выделанной кожи, не стесняющей движений. На ногах – кожаные сапоги, предохраняющие от сырости, их подошвы дополнительно усилены грубой кожей для защиты от осколков камней и стекла. Вся одежда сшита в мастерских коммуны специально для долгих переходов.

Морщась от порывов холодного ветра, Андрей поглядывает по сторонам, высматривая возможные опасности. Несмотря на то что крупные коммуны давно договорились о ненападении, а редких «гастролёров» быстро отлавливают их патрули, городские руины не стали дружелюбными. Главную угрозу сейчас представляют не люди, а дикие звери, обжившие разрушенные бетонные остовы.

Отец уверенно правит тележкой между грязных камней, и его спокойствие немного утихомиривает внутреннюю тревогу парня.

– Бать, – не выдерживает Андрей, – а можно спрошу?

– Валяй, – отец рывком головы стряхнул с бороды капли измороси.

– Вот ты... ты же мастер. Весь дом на тебе. Торговлю ведёшь, инструменты чинишь. И солдаты наши – мужики крепкие, при арбалетах и тесаках. Почему вы все Ворчуна слушаетесь? Кожа да кости, еле ходит и вечно что-то бухтит себе под нос. Ты бы его одной рукой... ну, сам понимаешь.

Отец остановился, вытер лоб тыльной стороной ладони и внимательно посмотрел на сына.

– Сильный, говоришь? – Он усмехнулся. – Сила, Андрей, в этих мрачных руинах быстро кончается... Бандиты, что в прошлом году на нас лезли, тоже сильные были. И где они? Давно сгнили в выгребной яме.

– Ну так наши солдаты их и побили!

– Мы их побили, потому что Ворчун придумал, как превратить старую уцелевшую пятиэтажку в крепость: первый этаж заложить наглухо, стены усилить, а на втором разломать лестницу и между этажами мост подвесной сладить, бойницы скрытые для арбалетов... когда те гадёныши сунулись – только зубами щёлкнуть и успели.

Отец снова взялся за поручни тележки...

– Ты думаешь, он просто старик? Он этот дом по винтику помнит. Он жил здесь ещё до Великой войны, когда город живой был... Это он придумал, как старые чугунные ванны использовать для сбора воды на крыше. Он знает, как баню соорудить, чтоб и попариться можно было, и обогрев жилья давала. И как простые станки на мускульной тяге для обработки металла создать. Это он придумал, как функции коммуны по этажам разделить, чтобы дом был единым

целым и полностью независимым... И мать твоя всех лечит потому, что он оплатил обучение у опытного хирурга в Пожарне... – голос отца внезапно оборвался, словно наткнувшись на невидимую стену, и его лицо исказила резкая, мучительная гримаса страдания. Андрей краем глаза заметил, как отец до белизны зажал зубами нижнюю губу. На мгновение показалось, что он пытается удержать рвущийся наружу крик. Кожа на губе не выдержала, лопнула, и на свет проступила крошечная, тёмная капелька крови, заблестевшая в тусклом свете ненастного утра.

Парень знал, что эту тему нельзя ворошить, но теперь было поздно. Суровые воспоминания из детства начали захватывать и его тоже...

* * *

Андрей едва научился уверенно держаться на ногах, как его уже начали исподволь, но строго приучать к повседневному труду. Суровая жизнь общины требовала вовлечения с раннего детства. Отец учил его прибирать комнату, тщательно вытирать скопившуюся пыль с пола и складывать вещи на место. Вначале это было как игра, но постепенно мальчик понял, что в этом доме у каждого есть свои обязанности.

И вот, в один из серых, пахнувших дымом дней, привычный мир изменился – в их семье появился малыш. Крошечный, беспрестанно кричащий комочек жизни, который мгновенно забрал себе всё тепло матери. Теперь она проводила с младенцем абсолютно всё время. Она ни на шаг не отходила от маленькой колыбели, с любовью баюкала его по ночам и бережно укутывала в тёплые вещи, словно во всём мире больше никого не существовало.

Андрею было невыносимо больно и одиноко. Прежний мир, где он так старался быть полезным и заслужить ласковый мамин взгляд, изменился. Он сидел в углу со своими любимыми игрушками, беззвучно глотая слёзы обиды, и смотрел, как вся любовь и забота, принадлежавшие раньше ему одному, теперь без остатка отдаются этому новому, чужому человеку.

Но со временем Андрей смирился и даже полюбил это существо. Детская обида постепенно уступила место какому-то новому, взрослому чувству ответственности. Он больше не прятался в углу, а изо всех сил старался помочь матери: приносил чистую воду, качал колыбель, когда её руки были заняты, и караулил сон младенца. Крошечный человек перестал казаться чужим – он стал частью его собственного маленького мира...

А потом пришла беда. Малыш начал кашлять. Сначала это казалось обычной простудой, но с каждым днём приступы становились всё страшнее. Ребёнок заходился в судорожном, лающем кашле, изводящем его крошечное тело. Он задыхался, синел, отчаянно ловил ртом воздух, издавая жуткие, хриплые звуки. Мать в панике и полном бессилии прижимала его к себе, обливаясь слезами, – она совершенно не знала, как ему помочь.

В Пятиэтажке из лекарей была только старая знахарка – она беспомощно разводила руками и шептала бесполезные заговоры, которые ничуть не помогали против удушливой хвори. Через несколько дней непрекращающихся, мучительных страданий колыбель внезапно затихла навсегда. Младенец умер, оставив после себя оглушающую, мёртвую тишину и незаживающую рану в их семье.

После похорон в доме воцарился тяжёлый мрак. Мать несколько дней подряд вообще ничего не ела, наотрез отказываясь даже от каши, которую приносил отец. Она часами неподвижно сидела на краю койки, глядя в одну точку влажными от горя глазами. А по ночам, когда комната погружалась в ледяную темноту, Андрей сжимался в комочек под своим старым одеялом и тихо лежал, боясь пошевелиться. В этой кромешной тишине он отчётливо слышал, как мать плачет. Это был не громкий плач, а страшные, глухие, разрывающие душу всхлипы, от которых у маленького мальчика стыла кровь в жилах.

Через несколько дней Андрей проснулся утром и не нашёл мать в комнате. Отец, осунувшийся и постаревший на десяток лет, обнял мальчика за плечи и сказал, что она ушла.

Мать уговорила Ворчуна оплатить её обучение на медика, чтобы получить настоящие знания. Ворчун без колебаний отдал последние золотые слитки и отправил женщину учиться к опытному хирургу – чтобы больше ни один ребёнок в доме не умер из-за чужого невежества.

Пожарня была единственным местом на Украине, где были сосредоточены редкие умы медицины. Эта небольшая коммуна занимала островок посреди озера в двух-трёх километрах на северо-восток, на территории бывшей пожарной базы. Защищённая от суши водой, коммуна сохранила не только дисциплину, но и важные знания – одну из самых крепких валют разрушенного мира...

* * *

Резкий, пронзительный скрежет колеса о камень вернул Андрея в реальность. Полумрак тесной комнаты Пятиэтажки мгновенно растворился. Перед глазами снова возникла размокшая от дождей дорога, а рядом, щуря глаза от ветра, шёл отец.

Андрей отогнал от себя мрачные воспоминания, взглянул на отца и тихо произнёс:

– Но Ворчун же вредный, его все боятся...

– Он не вредный, он инженер... – отрезал отец. Ему пришлось напрячь голос, чтоб говорить громче обычного, перекивая завывание налетевшего порыва ветра, из-за чего он даже немного закашлялся. – Он видит не людей, а механизм. Если один винтик решит, что он сильнее всей машины, и начнёт крутиться сам по себе – весь дом сложится.

Отец на мгновение умолк, посильнее налегая на рукоять тележки, которая так и норовила увязнуть в раскисшей колее.

– Мы его слушаемся не потому, что боимся его кулаков, – сипло выдохнул он. – Мы боимся, что если он замолчит, мы не будем знать, как починить свою жизнь, когда она в очередной раз треснет.

Андрей притих, обдумывая слова отца. Тележка хлюпала колёсами, приближаясь к стихийному нагромождению торговых лавок и хаотично блуждающих покупателей.

– Понял? – спросил отец, видя замешательство сына.

– Понял. Сила – это когда ты можешь сломать. А Ворчун – это когда всё работает.

– То-то же. Давай, поднажмём, впереди большая лужа, надо преодолеть её быстро, чтоб не застрять.

* * *

На рынке у развалин старого торгового центра былолюдно и шумно, несмотря на непогоду. Здесь пахло дешёвым самосадом, сивухой и едким дымом. Навстречу попадались бледные, истощённые люди с вьёвшимися грязными кругами вокруг глаз. У многих из-за цинги и подвальной сырости не хватало половины зубов. Иногда в толпе встречались свихнувшиеся, бормочущие что-то под нос бродяги – здешняя жизнь ломала многих, поэтому на них почти не обращали внимания. Они совсем не реагировали на окружающих, и некоторые торговцы из жалости отдавали им потерявшие товарный вид помятые овощи.

Андрей с отцом припарковались под дырявым навесом у бетонного блока, где традиционно вставали торговцы инструментами. Навес не укрывал полностью от непогоды, но давал хоть какую-то защиту от измороси.

Торговля шла неспешно. К тележке периодически подходили люди: суровые мужики в самодельной броне и мокрых плащах приценивались к ножам, а охотники из лесных окраин то и дело вертели в руках арбалетные болты, проверяя балансировку.

Ворчун перед уходом строго наказал: болты менять только на соль и на селитру. И отец был неуступчив при виде предлагаемых на обмен малополезных побрякушек. Но когда один из

бродяг вытащил из-за пазухи завернутую в тряпку фрезу из быстрорежущей стали, мастер не устоял. Коротко поторговавшись, он отсчитал десяток болтов, бережно спрятав фрезу в карман куртки. Для бродяги эта железка была бесполезным грузом – без станка она оставалась лишь холодным куском металла, неспособным ни накормить, ни защитить. Но для отца, знавшего цену настоящему инструменту, это было хорошее приобретение.

Погода окончательно испортилась. Холодный осенний дождь с резким жестяным звоном забарабанил по навесам из ржавых листов железа. Ледяная вода стекала с них тёмными струями, пропитывая воздух запахом мокрого металла и сырой гари.

Дождь разогнал покупателей, заставив их попрятаться в укрытия. И когда на опустевшей улице непогода стала понемногу стихать, к тележке неспешно подошли трое, небрежно чавкая сапогами по серой грязи. Один лысый в старинной довоенной кожаной куртке с металлическими заклёпками и нелепой кожаной кепке с козырьком. Двое других в намокших засаленных плащах грязного цвета, с потёртыми арбалетами за спиной. Это были люди из Котельной – самой крупной и суровой общины в округе.

Котельная располагалась в здании бывшего теплоузла, куда люди изначально тянулись из-за большого количества сохранившихся там инструментов, станков и технических помещений. Но со временем Котельная превратилась в центр притяжения для авантюристов всех мастей. Их привлекала не работа, а отсутствие жёстких требований и возможность промышлять разбоем. Действовать открыто они не решались из-за договорённостей между общинами, поэтому совершали свои налёты под покровом ночи, когда доказать их причастность было невозможно.

– Здарова, жестянщики, – прищурился старший в кожанке, сплюнув под ноги. – Или как вы там себя кличете? Забились в свои щели и думаете, что бессмертные... Ножи ничего так. Рессора? Заточено ровно, по уму.

Отец молча кивнул, не убирая рук с влажных поручней тележки. Он намётанным взглядом мастера сразу оценил состояние оружия гостей – тетивы у арбалетов свежие, навощенные, плечи без трещин...

– Слышь, мастер, – прищурился старший. – Болтают, у вас там на крыше ботва всякая растёт, а в хате баки из блестящего железа стоят. Чё, реально? Как воду туда таскаете? Пупок же развяжется вёдрами махать. Или ваш старик полоумный, Ворчун этот, насос какой из помойки выкопал?

Андрей дёрнулся было ответить, но отец незаметно придержал его за локоть.

– Руками носим, – коротко бросил отец. – Кому жить охота, тот и таскает. У нас бездельников нет.

Человек в кожанке усмехнулся, шагнув ближе. Его взгляд стал хищным:

– Не гони, – едко хмыкнул он, смахивая капли дождя с воротника. – Мои пацаны видали, что у вас канализационная труба в овраг выведена, и из неё грязная вода хлещет, когда жарчку варите. Чё у вас там, дырка с водой прямо в подвале? Или старик городские трубы оживил? Слышь, продай фишку, мастер. Дам жратвы и пузырь пошла. Нам бы такая схема пригодилась. А баки эти... Железо знатное, нехрен в нём воду гноить. За такую гору нержавейки мы б тебя в авторитеты вывели. Такой металл на дело пускать надо, а не скот из него поить.

Отец посмотрел на него тяжело, исподлобья. Как торговец он понимал – это не сделка, это разведка.

– Секретов нет. Есть дисциплина и расчёт. А пойло своё оставь себе – у нас своего хватает. Лишнего не держим, и баки нам самим служат.

– Го-о-о-ордые вы, – голос человека в кожанке стал холодным. – Дом у вас высокий, издали видать. Но как прижмёт, когда крыша потечёт или пузо от голода скрутит – к нам приползёте. Старику передай: умники нынче быстро ломаются. А железо ваше... жирно больно для одного дома. Скоро к другим рукам прилипнет.

Андрей почувствовал, как к горлу подступает навязчивый страх: эти люди пришли не за водой. Им нужен был металл, а жизни людей для них ничего не стоили.

Когда бандиты отошли, он прошептал:

– Бать, они же не про воду хотят узнать. Им баки нужны. Им плевать на воду, хотят металл забрать.

Отец начал перекладывать ящики с болтами, проверяя, всё ли на месте. Его пальцы, привычные к молоту и тонкой работе с металлом, едва заметно дрожали – не от страха, а от напряжения.

– Пусть пробуют, – отец накрыл товар обрывком брезента. – Ворчун не зря по всему периметру растяжки сигнальные поставил: мы их услышим ещё на подходе, когда они только кусты заденут. А если начнут к дверям или окнам соваться – в кладке скрытые бойницы, расстреляем в упор. На крайний случай, если прорвутся внутрь, то напротив лестницы у потолка огнемёт самодельный вмонтирован – один поворот рычага, и от этой кожанки только пепел останется. Они думают, мы просто воду копим, а мы за эти баки костями ляжем. Это сердце нашего дома... Пошли к соляникам, нужно успеть обменять как можно больше товара, пока дорогу совсем не размыло.

Пятиэтажка

Андрей никогда не задумывался об устройстве Пятиэтажки. Родившийся, когда в коммуне уже были налажены быт и роли, парень воспринимал всё как само собой разумеющееся. Он был ещё мал для того, чтобы выбрать специализацию, поэтому его дни проходили в простых, понятных делах: помогать отцу в мастерских, присматривать за товаром на рынке, чистить стойла или заготавливать корм животным.

После возвращения с рынка Андрей так сильно устал, что уснул мгновенно, едва коснувшись койки. Но слова отца о том, что Ворчун видит этот дом насквозь, до самого последнего камня в фундаменте, продолжали крутиться в голове даже во сне.

* * *

На следующий день небо снова затянуло, и по стенам забарабанил затяжной дождь. Скот на выпас в такую погоду обычно не выгоняли, поэтому Андрей ограничился лишь самой необходимой работой: наполнил водой поилки и принёс охапки сена из запасов. Закончив с делами раньше обычного, он решил исследовать Пятиэтажку.

Когда-то в доме было четыре подъезда, но потом здание превратили в крепость для обеспечения максимальной безопасности. Два крайних входа были наглухо заложены кирпичом и завалены камнем изнутри. Из двух оставшихся один предназначался для выпаса скота: тяжёлые двери открывались лишь для утреннего выгона и вечернего возвращения в стойла. Второй подъезд служил единственным порталом в жилую зону. Пост из двух часовых был здесь постоянным – они знали каждого жителя в лицо, безмолвно фиксируя любое перемещение и отмечая признаки болезней или безумия. Безопасность коммуны держалась на этом жёстком учёте: часовые всегда знали, кто покинул здание, а кто вернулся, чтобы в случае опасности иметь ясную картину происходящего и принять своевременные меры.

Андрей медленно шёл по мрачному коридору первого этажа, двери которого обычно днём были открыты. Он заглядывал в бывшие квартиры, где когда-то жили люди, но теперь комнаты превратились в холодные тёмные хранилища. Всё пространство первого этажа было перестроено: внешние стены изнутри усилили дополнительной кладкой до метра в толщину, а окна заложили наглухо, оставив лишь крошечные отдушины.

В этих каменных мешках теперь покоилось сырьё, которому не страшна сырость: горы песка, очищенная глина и аккуратные штабеля кирпичей. Все эти запасы не имели высокой ценности, поэтому находились в свободном доступе.

Говорили, что в подвале фундамент тоже был значительно укреплён, чтобы выдержать возросший вес здания. Но дверь туда была постоянно закрыта на замок, и к тому же в подвале было слишком темно, так что Андрей решил оставить его изучение на потом.

Второй этаж Андрей знал хорошо – здесь проходила большая часть его привычной работы для коммуны. Этаж был чётко разделён на зоны. С одной стороны располагались стойла для скота и просторные помещения для запасов сена и прочего корма.

С другой стороны коридора находились жилища пришлых. В основном это были бродяги, решившие прибиться к коммуне в поисках защиты и тепла. Они не считались полноценными членами общины и должны были заслужить это тяжёлой работой или редкими навыками. У пришлых не было права голоса на общих собраниях, а за серьёзные проступки или плохое поведение могли выгнать обратно в руины, где их ждала только смерть от голода.

Стены здесь тоже были усилены и дополнительно утеплены, а окна заложены камнем так, что остались лишь узкие проёмы. Через них внутрь проникал дневной свет, но сами щели

были слишком малы, чтобы мог пролезть человек. У пришлых была своя небольшая кухня для приготовления еды и такая же маленькая баня, чтоб можно было помыться после работы.

Третий этаж был сердцем Пятиэтажки. Андрей миновал его не задерживаясь – он прожил здесь всю жизнь и хорошо знал каждый угол, поэтому всего лишь мысленно представил детали.

С одной стороны, прямо над стойлами скота, располагалась промышленная зона. Здесь работали мастерские и находились склады, на которых хранились ценные материалы: штабеля старой арматуры, цельные листы металла, трубы, ящики с гвоздями, стеллажи с выделанной кожей и прочим сырьём. Отдельно, в самых дальних помещениях был обустроен склад для опасных горючих материалов: машинное масло, дёготь, бензин. Ближе к посту охраны, за тяжёлыми дверями, скрывался арсенал. В складских помещениях этого крыла окна были почти полностью заложены, как на нижних этажах – ценное сырьё не должно было привлекать лишних взглядов снаружи.

С другой стороны третьего этажа – над зоной пришлых – кипела жизнь полноправных членов коммуны. На северной стороне была обустроена большая общая кухня, от которой всегда тянуло дымом и варевом. К кухне примыкали пищевые склады. Угловые квартиры, как самые холодные, были до потолка забиты запасами дров.

В центре жилого крыла с южной стороны здания располагалась баня с парилкой, прачечной и туалетами. По соседству с баней находились комнаты семейных мастеров. Окна в жилой зоне и в мастерских были обычные застеклённые, что делало пространство светлым и обжитым. Однако снаружи каждое из них защищала массивная решётка из арматуры, а на ночь или в случае опасности они плотно закрывались обитыми железом ставнями.

На четвёртом этаже атмосфера резко менялась. Здесь никто не жил – этот уровень был полностью отдан под технические нужды и оборону. Андрей заметил, что полы здесь везде были заметно приподняты. Ворчун спроектировал их так, чтобы за счёт дополнительного слоя утеплителя создать мощную теплоизоляцию для жилых помещений этажом ниже.

В квартирах над кухней и баней стояли огромные, тускло поблескивающие баки для воды из нержавеющей стали. С третьего этажа сюда поднималось тепло, не позволяя замёрзнуть воде даже в самые сильные зимние морозы. Андрей задержал взгляд на баках – это про них вчера на рынке так настойчиво пытались выведать аферисты из Котельной.

Остальная часть четвёртого этажа представляла собой боевой рубеж. Окна в квартирах заложили кирпичом, превратив в узкие бойницы. Через эти щели можно было не только вести прицельный огонь из арбалетов, но и сбрасывать камни на головы нападающих. Возле каждой такой бойницы аккуратными кучками были сложены запасы увесистых булыжников, заготовленных специально для обороны. Сейчас бойницы были плотно закрыты мощными деревянными щитами, обитыми снаружи листовым железом.

Большая часть пятого этажа пустовала, но жизнь здесь всё же теплилась. В одном крыле располагались две голубятни – от птиц мяса было немного, но в голодные годы даже это помогало выжить. В другом крыле, в полутьме и сырости бывших квартир, раскинулась грибная ферма. В помещении у входа на крышу был устроен склад для садовых инструментов.

Андрей постоял немного в тишине верхнего этажа, слушая, как по крыше барабанит дождь. Он прошёл здание насквозь и теперь видел его иначе: не как набор стен, а как огромный, сложный механизм, где все детали имели своё предназначение. Это осознание вызывало почти благоговейный трепет перед тем, кто всё это спроектировал. Он решил во что бы то ни стало узнать у Ворчуна подробности.

Болота

Утренняя прохлада сырых западных болот пронизывала до костей. Плотный тяжёлый туман полз низко к земле, окутывая редкую болотную растительность.

Эти бескрайние топи образовались на месте бывших водохранилищ. После войны оставленные без обслуживания дамбы обрушились. Хлынувшая вода затопила огромные площади, превратив леса и низины в опасную трясиину. Вокруг до сих пор торчали остовы мёртвых, почерневших от времени деревьев.

Группа из пяти человек медленно продвигалась по чавкающей трясиине. Возглавлял отряд хмурый часовой – дядька Степан с арбалетом наготове. За ним шли две женщины с большими корзинами. Замыкали шествие Андрей со своим сверстником и другом по прозвищу Кнут.

Целью похода была болотная клюква. Ягоды кровавыми гроздьями росли на ковре из раскисшего мха. В коммуне их ценили за витамины и долгий срок хранения и всегда запасали осенью впрок.

Поверх одеяний из кожи на Степане была броня, изготовленная из старых автомобильных покрышек, способная защитить от холодного оружия ближнего боя, а также стрел и болтов. В отличие от остальных, он не собирал ягоды, а внимательно наблюдал за местностью, готовый в любой момент применить оружие для защиты группы от нападения кого бы то ни было.

Андрей немного отстал, его мысли витали далеко отсюда. Он всё время думал про устройство Пятиэтажки.

– Кнут, постой, – негромко позвал Андрей, догоняя друга.

Кнут быстрыми движениями срывал мелкие кислые ягоды и отправлял их в корзину.

– Слушай... ты когда-нибудь думал, почему наш дом до сих пор не рухнул?

– Потому что его из бетона построили, глупыш, – недовольно выпалил Кнут, даже не обернувшись. – Чего ему падать? Он сто лет стоял и ещё постоит. Гляди лучше под ноги, не дави ягоду.

– Да нет, ты не понимаешь! – Андрей упрямо шагнул следом, приглушая голос. – Дело не в бетоне. Ворчун перестроил всё здание. Он заложил окна, чтобы усилить его. А на четвёртом этаже полы подняты, чтобы тепло не уходило в пустоту! А баки с водой? Это же интересно: вода сама течёт на кухню.

Кнут перестал собирать ягоды, выпрямился и со вздохом посмотрел на Андрея. В его взгляде читалось искреннее недоумение, смешанное со скукой.

– Андрей, тебе делать нечего? – Кнут вытер мокрые пальцы о штаны. – Какая мне разница, почему она течёт, если она просто течёт из крана? Ворчун старый, он вечно что-то ковыряет, ему положено. Наше дело – чтобы запас еды на зиму был. Меньше думай о стенах, голова распухнет.

Одна из женщин услышала обрывки разговора и громко вздохнула.

– И то верно, Кнут. Ворчун наш хоть и мастер, а характер – гадкий. Вечно всем недоволен. Я с ним пытаюсь не пересекаться в тёмных коридорах. Старик не от мира сего, глазами своими так и сверлит. В мастерской своей с ума сошёл. Меньше его бредней слушай, Андрей.

– Да если бы не эти бредни, мы бы прошлую затяжную зиму не пережили: или замёрзли, или от голода околели, – отозвалась вторая, поправляя платок. – Но парень правду говорит – старик совсем умом двинулся на своих цифрах. Вчера кричал на девчат на кухне, что они неаккуратно с посудой обращаются.

Дядька Степан цокнул языком и поднял руку. Женщины тут же смолкли. Часовой обвёл суровым взглядом окутанный туманом прилесок, а затем посмотрел на Андрея.

– Кончай трепаться, башка любопытная, – спокойно, но веско обрубил Степан. – Ворчун своё дело знает. Нам его ума не понять, да и некогда. Ваше дело – корзины набить и до темноты без приключений домой вернуться. На болотах тишину любить надо, а не науку.

Кнут ухмыльнулся, подмигнул другу и пошёл к следующему участку с ягодами.

Андрей остался стоять, чувствуя, как на него накатывается обида. То, что вызывало у него благоговейный трепет, для его лучшего друга было скукой, а для взрослых – лишь чудачеством вредного старика.

«Если никто, кроме него, не понимает, как это работает, то кто починит дом, когда старик умрёт?» – подумал Андрей, крепче сжимая ручку своей корзины.

Ворчун

Осень окончательно вступила в свои права, и теперь темнело рано. Холодный мрак опускался на руины каждый вечер, а дожди становились всё более и более затяжными. Прошло несколько десятков дней с того момента, как Андрей исследовал дом, и всё это время мысли об увиденном не давали ему покоя. Наконец он решился. Вечером, когда Пятиэтажка погрузилась в сумерки, он не лёг спать.

Вместо этого Андрей прошёл по коридору до поста охраны. У железной двери, ведущей в промышленную зону здания, он встретил Степана, заступившего на ночное дежурство.

– К Ворчуну? – задал вопрос часовой. – А тебе всё неймётся... Ладно, проходи. Но осторожно, он сегодня злой – трубы на кухне проверял.

* * *

Андрей робко постучал в дверь.

– Заходи, не стой, сквозняк не делай! – донеслось изнутри.

Светильник тусклым дрожащим пламенем освещал помещение. Ворчун сидел за столом, заваленным пожелтевшими листами. Перед ним лежала раскрытая книга с выцветшими схемами и грязный штангенциркуль.

– Деда... то есть господин инженер, – замялся парень. – Я на рынке был. Там из Котельной спрашивали, как у нас вода на верхний этаж попадает. Говорили – насос. А отец сказал – дисциплина.

Ворчун поднял кустистые брови и хмыкнул:

– Дисциплина – это чтобы ведро не пролить. А чтобы оно само наверх запрыгнуло, мозги нужны. Садись.

Он пододвинул к парню листок, исписанный мелкими цифрами.

– Видишь это? Это расчёт давления. Мы собираем дождь на крыше в ванны, которые как чаша. На пятом этаже – фильтры для очистки. На четвёртом – баки. Кухня и баня на третьем – потребители. Если я открою кран на кухне, вода пойдёт вниз сама. Почему? Потому что она тяжёлая, дурень, и хочет упасть. Это называется гравитация.

Андрей замороженно смотрел на линии чертежа.

– А если засуха? Если с неба не каплет?

– Тогда вступают в дело «добровольцы» со второго этажа. – Ворчун постучал пальцем по столу. – Пришлые таскают воду в баки про запас из расположенного возле оврага источника. Но я придумал систему фильтров из угля и песка, чтобы даже болотная жижа становилась питьевой. Это не магия, пацан. Это физика и химия.

Андрей коснулся края старого учебника.

– Научишь меня? Ну... цифрам этим. Чтобы я понимал, почему дом не падает, когда на хозяйственном этаже в стойлах козы прыгают.

Ворчун замолчал, внимательно разглядывая парня. В его глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на надежду, но он тут же снова насупился.

– Учить его... Ишь чего захотел. Это тебе не козьи шкуры мять. Тут голова болеть будет... Ладно. Завтра с утра заходи. Будем изучать сопромат – науку о том, как вещи сопротивляются тому, чтобы их сломали. Понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.